закрепить судебное правотворчество в белорусской правовой системе. Поэтому, необходимо расширение компетенции Конституционного Суда и признание его правотворческой роли не только на уровне юридической доктрины, но и со стороны государственных органов.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г., № 218-З: принят Палатой Представителей 7 дек. 1998 г.: одобр. Советом Республики 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.07.2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Белоножко, И. Е. Статус судей Конституционного Суда Республики Беларусь / И. Е. Белоножко // Правовое обеспечение инновационного развития общества и государства: материалы междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 29–30 окт. 2010 г. – Минск: БГУ, 2011. – С. 65–66.
4. Вильдхабер, Л. Прецедент в Европейском суде по правам человека / Л. Вильдхабер // Государство и право. – 2001. – № 12. – С. 5–17.
5. Глобализация и развитие законодательства (очерки) / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. – М.: Городец, 2004. – 464 с.
6. Василевич, Г. А. Белорусское государство на рубеже веков / Г. А. Василевич. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2006. – 446 с.
7. Морозова, Л. А. Современное состояние российского законодательства и его систематизация / Л. А. Морозова // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 24–25.
8. Студеникина, М. С. Вступление федерального закона в силу: правовое регулирование и практика / М. С. Студеникина // Журнал российского права. – 2000. – № 7. – С. 10–21.
9. Зорькин, В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 3–9.

Павловский А.С.

Тенденции развития концепции социально-экономических прав и свобод человека в советский период

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-31-08-2017-05

idsp: 000001:lj-31-08-2017-05

Аннотация

В статье исследуется процесс становления в Советском Союзе обширной единой группы социально-экономических прав и обоснования в дальнейшем её приоритета в правовом статусе человека. Автором делается вывод об уникальности подхода советских правоведов, отдававших предпочтение идее патернализма и игнорировавших личную инициативу человека в деле достижения достойных условий жизни.

Ключевые слова: социально-экономические права, частная собственность, патернализм, достойное человеческое существование.

Abstract

This article discusses the process of the formation of a wide unified group of socio-economic rights in the Soviet Union and substantiation of the priority in the legal status of a person. The author concludes that the approach of the Soviet lawyers was unique because they preferred the idea of paternalism and ignored the personal initiative of a person to improve his or her life.

Keywords: socio-economic rights, private property, paternalism, dignified human existence.

Отличительной чертой отечественной юриспруденции выступает тот факт, что развитие теории о правах человека не носило эволюционного характера. Юридическое понимание места человека во взаимоотношениях с государством, наделение личности правами и обязанностями, уровень государственной обеспеченности той или иной группы прав на протяжении последних ста лет зависел от господствующего типа государственного (конституционного) права. С особенной силой это проявилось в судьбе группы прав, которые призваны обеспечить человеку достойный жизненный уровень.

В период поздней монархии русские философы и правоведы (П.И. Новгородцев, С.И. Гессен, Б.А. Кистяковский и др.) были заняты обоснованием необходимости юридического, а не только морального признания права каждого человека на достойное человеческое существование. Их прогрессивные либеральные идеи выглядели многообещающе, но коренные изменения основ государственного устройства, с которым большинство учёных старой школы не согласилось, ознаменовали конец эпохи монархического государственного права и начало советского правоведения. С тех пор права человека заняли центральное место в острой идеологической борьбе между силами социализма и антикоммунизма.

В послереволюционной России разработку учения о праве человека на ведение достойной жизни начали практически с чистого листа, поскольку весь накопленный к тому моменту опыт был объявлен ложным из соображений идеологии. Первые три десятилетия после революции вопрос о праве на достойное существование всерьёз не поднимался. Создание основ социалистического общества не было завершено, страна пребывала в истощении, сопровождавшемся истреблением классовых врагов. Печальным свидетельством нечеловеческих условий жизни и небывалой нищеты населения служат дошедшие до нас свидетельства очевидцев этих трагических для России событий. Дневниковые записи «Окаянные дни» И.А. Бунина, эпопея «Солнце мёртвых» И.С. Шмелёва, автобиография В.В. Набокова «Другие берега» ясно показывают утрату обществом моральных ориентиров и его катастрофическое обнищание. В таких условиях трудно было рассчитывать на разработку учения о правах человека: она, если и велась, то была идеологически направленной, делившей общество на дружественные и враждебные власти классы.

Вплоть до 30-х гг. XX в. права человека, обеспечивающие его повседневную жизнь, не были предметом исследований советских теоретиков права. Хотя впервые в Советской России об институте прав, свобод и обязанностей граждан законодатель заявил уже в Конституции РСФСР 1918 г., в которой сконцентрировался, в основном, на обязанностях (введена всеобщая трудовая повинность и принцип «Не трудящийся, да не ест!»). De jure получили признание некоторые права и свободы, призванные наглядно показать завоевания революции и защитить её от любых посягательств.

На обеспечение условий для достойной жизни была направлена норма п. 17 гл. 5 Конституции РСФСР 1918 г., впервые поставившая перед советским государством задачу обеспечения рабочих и крестьян условиями для всестороннего и бесплатного образования. Одновременно труд провозгласили обязанностью (п. 18). Из этого выводилось право советских граждан на гарантированный государством источник дохода. Такая декларация рассматривалась как значительное завоевание победившей революции, и это действительно было весомым шагом вперёд по сравнению со многими зарубежными правовыми системами того времени, которые не располагали аналогичными установлениями.

Вместе с тем, с точки зрения современного исследователя трудно не заметить дискриминационный характер нормы п. 17 гл. 5 Конституции РСФСР 1918 г., закрепившей право на бесплатное образование только для дружественных советской власти классов – рабочих и беднейших крестьян. Представители иных, – «враждебных», групп населения (помещики и капиталисты) правовой системой в расчёт не принимались.

Более того, советское государство определялось как государство диктатуры пролетариата, беспощадно подавляющее и уничтожающее эксплуататоров (п. 9 гл. 5 Конституции РСФСР 1918 г.). Такая политика по замыслу законодателя должна была привести к полному исчезновению буржуазии и созданию в конечном итоге бесклассового общества.

Советское законодательство и советская правовая наука были направлены на улучшение положения трудящихся. Первыми кодексами новой власти был закреплён восьмичасовой рабочий день для всех трудящихся, а для молодёжи даже шестичасовой рабочий день. Было запрещено пользоваться трудом детей и подростков, женщинам был предоставлен 16-недельный отпуск по беременности и родам с сохранением полного заработка, в законодательном порядке было проведено социальное обеспечение трудящихся от всех видов потери трудоспособности. В советской юридической науке отмечалось, что менее чем за 3-4 года социальные мероприятия советского государства перекрыли нормы буржуазного социального законодательства, за которые трудящиеся в условиях враждебного им капитализма боролись несколько десятилетий. Это служило поводом для идеологических выводов: считали, что советские социальные мероприятия показали всему миру, что основным препятствием к реализации ближайших экономических требований пролетариата является не низкий уровень производительных сил, а политика буржуазии, направленная на угнетение и ограбление трудящихся масс.

Человек и его правовой статус стали краеугольным камнем юридического противостояния между социализмом и капитализмом. У Н.В. Витрука читаем: «Проблемы личности, прав и свобод человека заняли одно из центральных мест в острой идеологической борьбе между силами социализма, с одной стороны, и силами реакции, антикоммунизма – с другой». Стало понятно, что советский подход к правам человека есть *contrarium* принципов стран западной Европы и Северной Америки, которые стремились к наибольшей реализации личных прав и свобод. В СССР же появлялся заметный крен в сторону обеспечения прав, направленных на удовлетворение физиологических и духовных потребностей человека, а также потребностей населения в образовании при практически полном игнорировании и подавлении личных и политических прав.

По мере возникновения у страны новых материальных и политических возможностей улучшалась и ситуация с обеспечением жизни людей. Основные права и обязанности советских граждан получили своё дальнейшее развитие в последующих конституциях СССР и союзных республик. В Конституции СССР 1936 г. впервые в отечественной истории правам и обязанностям была отведена отдельная глава X. Появилась целая группа прав, имевшая своим предназначением обеспечение материальных условий жизни граждан (ст. 118-121). К ним были отнесены права на труд, отдых, право на материальное обеспечение в старости (не было известно на тот момент ни одному правовому режиму), в случае болезни и потери трудоспособности, а также право на образование. Были созданы условия, позволившие впервые заявить о реальности их реализации.

С этих пор в советской юридической литературе вводится и обосновывается группа «социально-экономических прав», которая пришла на смену характерному для дореволюционной юриспруденции праву на «достойное человеческое существование». Время их появления уточняет Н.С. Бондарь, который указывает, что критерии для выделения этих прав в отдельную группу и обозначение их как «социально-экономические права» стали практикой лишь послевоенного правоведения.

В отличие от юристов периода поздней монархии, абстрактно очерчивавших границы достойного существования и предлагавших весьма размытые средства для его достижения, советские правоведы чётко называли права, гарантирующие, по их мнению, единый минимальный уровень благосостояния и духовного совершенствования. Причём группа социальных и экономических прав (никогда не употреблялись отдельно, за очень редким исключением) неизменно ставилась законодателем на первое место в перечне

основных прав и свобод граждан. После использования такой группировки в «Сталинской» Конституции законодатель вновь повторил этот приём в Конституции СССР 1977 г.

Наблюдалось особое отношение государства, а вслед за ним и науки именно к социально-экономическим правам населения. Человек рассматривался в первую очередь как часть социально-экономической системы и, соответственно, его социально-экономические права должны были быть разработаны и гарантированы наилучшим образом. Только затем речь о нём шла как о непременном, да ещё и активном участнике политической жизни страны с набором политических прав. И лишь в третью очередь за индивидом признавалась личная жизнь, до известных пределов неприкосновенная для публичного интереса и охраняемая государством. Б.В. Чернов объяснял это тем, что в своей совокупности именно социально-экономические права обеспечивают гражданам материальные условия существования, предоставляют возможность духовного развития и наиболее полного и эффективного применения своих способностей в сфере общественно полезного труда. Е.И. Козлова говорила о решающем значении социальных и экономических прав в обеспечении первостепенных жизненных потребностей людей, а право на труд называла «основным из основных жизненно важных прав человека».

Социальные права человека в советский период признавались самыми значимыми и важными по политическим причинам, так как именно их гарантированность являлась убедительным доказательством построения социализма в стране в противовес абсолютному большинству буржуазных государств, законодательство которых либо игнорировало их, либо не содержало реальных гарантий осуществления. Советское государство стремилось к устранению несправедливости, порождаемой, как считалось, рыночными отношениями, и установлению всеобщего благоденствия. Активно воплощалась идея о расширении социальных программ и выравнивании социального положения людей. Укрепление социального обеспечения граждан и расширение перечня их социально-экономических прав связывалось с построением развитого социализма.

Полагаем, есть все основания утверждать, что советская правовая доктрина стала родоначальницей такой концепции прав человека, при которой во главе правового статуса личности находятся не права первого поколения, а социально-экономические права, фактически сводимые к мерам по социальной защите. Государство стремилось не столько к созданию условий для свободного развития личности, сколько к обеспечению людей набором «благ», которые единолично сосредоточившая в своих руках государственная власть распределяла «по справедливости». В противовес идеям дореволюционных юристов, видевших роль государства в деле обеспечения условий для достойной жизни второстепенной по сравнению с личными усилиями свободного человека, советские правоведы связывали все свои ожидания исключительно с государством. Личная инициатива человека в улучшении своей жизни практически полностью игнорировалась. Имманентное природе человека право частной собственности было грубо вычеркнуто из его правового статуса (для искоренения нежелательных ассоциаций её даже переименовали в «личную»). Такое решение значительно ослабило экономические права, ведь запрет частной собственности лишал их самостоятельности и стирал границы между ними и правами социальными.

В советской юридической литературе невозможно обнаружить критику сложившегося приоритета социально-экономических прав над группой личных и политических прав и свобод человека: альтернативное мнение признавалось подрывным и враждебным, а зарубежные источники были попросту недоступны. Соответственно, правовая характеристика достижений такого подхода в меньшей мере была юридической и в большей – идеологической.

В.С. Шевцов называл закрепление социально-экономических прав главным достоянием советского государственного и общественного строя и считал, что они

открывают «невиданные в истории человечества возможности для совершенствования материальной и духовной жизни каждого члена общества». К.У. Черненко писал, что Конституция СССР 1977 г. предоставила советским гражданам такой комплекс прав и свобод, который открывает перед советскими людьми широчайший простор для проявления всех своих способностей. Более того, объявили, что «при социализме формируется новый тип личности, новое сознание и поведение людей, новый социалистический образ жизни. Практически только при социализме и начинается процесс становления всесторонне, гармонично развитой личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство» (курсив автора – А.П.).

Построенная советской юридической наукой система социально-экономических прав и свобод имела уникальный характер. К её достижениям без сомнения следует отнести тот факт, что она была весьма обширной и включала право на труд, на отдых, на охрану здоровья, на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца, право на жилище, образование, на пользование достижениями культуры, свободу научного, технического и художественного творчества. Значительное развитие медицинского обслуживания населения отразилось в обширном массиве норм, регулирующих отношения в сфере здравоохранения. Получили закрепление права, обеспечивающие серьёзную поддержку в случае болезни. Во многом благодаря опыту и инициативе Советского Союза социальные и экономические права получили признание на международном уровне. Уровень их реализации в СССР действительно был примером для развитых западных государств.

Вместе с тем, существовала и иная оценка такого подхода к правам человека. Крайне негативную характеристику разработанной советскими правоведом системы приоритета социально-экономических прав давали авторы, свободные от идеологического давления. В трудах И.А. Ильина, увидевших свет в период эмиграции, мы находим критику советской системы уравнивания. «Вот окончательно разоблачён и большой обман коммунизма, – писал правовед, – ибо его попытка упразднения неуверенности, обеспечения всех и удовлетворения всех потребностей создала как раз прямо противоположное. Ещё никогда и нигде, как только под игом этого централизованного безумия, не была так ужасающа общая неуверенность, настолько неслыханна всеобщая нищета, так удручающе бремя лишений. Только в том смысле он «обеспечивает» всех, что топит всех в «изнурительной заботе».

И.А. Ильин занял позицию непримиримого противника упразднения частнособственнических отношений в угоду усилению патернализма. Такое предприятие он считал попросту невозможным. «Кто хочет «отменить» частную собственность, – настаивал И.А. Ильин, – тот должен сначала переплавить естество человека и слить человеческие души в какое-то невиданное коллективно-чудовищное образование; и понятно, что такая безбожная и нелепая затея ему не удастся. Пока человек живёт на земле в виде инстинктивного и духовного «индивидуума», он будет желать частной собственности и будет прав в этом». И.А. Ильин не видел в полной власти человека над своими вещами источника зла и эксплуатации, полагая, что «частная собственность корениться не в злой воле жадных людей, а в индивидуальном способе жизни, данном человеку от природы».

О губительных последствиях борьбы с частной собственностью, выразившихся в почти полной утрате людьми чувства личной инициативы, пишут и современные исследователи. Н.И. Матузов и А.В. Малько считают: «Идеолого-партийное, тоталитарное правление, длительное время господствовавшее в нашей стране и основой которого было не только единомыслие, но и единодействие, сформировало у людей такие комплексы и стереотипы, как страх, боязнь ответственности, пассивность, апатия, конформизм... Ценились бездумное исполнительство, различные проявления «усердия не по разуму», ревностное исполнение команд сверху, даже если эти команды

неправомерны». И.Б. Михайловская утверждает, что получение материальных благ в советские годы было связано, прежде всего, с социальным статусом, а не с качеством деятельности.

Что касается зарубежных исследователей, то они всегда были противниками выстроенной в СССР системы прав человека. Марк Б. Смит (Mark B. Smith) в статье «Социальные права при Советской диктатуре: конституционное право на благосостояние от Сталина к Брежневу» отмечает, что советские права формально были разделены на три категории: социально-экономические, политические и личные. И хотя такая структура была искусно внедрена в идеологию, правовую систему и каждодневную жизнь людей, она являлась весьма спорной. Диссиденты задавались вопросом, как такие права вообще могли существовать в условиях диктатуры, а иностранные наблюдатели (например, Дэниел Томас (Daniel Thomas) – «Хельсинский эффект: международные нормы, права человека и кончина коммунизма») с презрением относились к советской системе прав и рассматривали их не иначе, как неуклюжие показательные упражнения. Позднее западные учёные писали, что именно противоречие между провозглашёнными правами и практикой их реализации, а также растущее инакомыслие привели к краху советской системы.

По мнению Марка Б. Смита (Mark B. Smith), советская система социальных прав была искажена давлением диктатуры и характеризовалась тремя отличительными факторами:

1) «модель единства» советского порядка позволила создать теоретическую модель обоснования права. В годы сталинизма и в последующие десятилетия советские юристы настаивали на том, что отдельные лица, государственные органы, партия и правительство не могут противоречить друг другу. Это означало, что права имели крепкое теоретическое обоснование: не существовало в принципе групп, которые могли бы их оспорить;

2) советские права на социальное обеспечение характеризовались противоречивостью. С одной стороны, такое обеспечение было даром, источником которого являлась забота властей; с другой стороны, благосостояние было правом, объективно обоснованным конституцией. Марк Б. Смит (Mark B. Smith) ссылается на статью А.А. Абрамовой «Пенсии семьям, потерявшим кормильца», когда говорит: «В 1957 г. один советский учёный осветил эту противоречивость со ссылкой на закон о пенсиях 1956 г. Закон расширил пенсионные права и, по мнению автора, продемонстрировал «заботу Коммунистической партии и Советского правительства». Эта хроническая путаница между патернализмом и конституционными правами расширила общественное пространство для дискуссии о социальных правах и одновременно ослабило их в теории и практике;

3) советская идеология предопределяла всё, даже в 1970-х и 1980-х, когда едва ли кто-то верил в коммунистическое будущее.

Эти три фактора – относительное «единство» государства, общества, партии и правительства; смещение отношений между патернализмом и конституционализмом; народная приверженность равенству и благосостоянию – были центральными в советских правах.

Советская юридическая наука с самого начала была идеологически зависимой, а глубочайшая изоляция и интеллектуальное единообразие привели к катастрофическому снижению её уровня, сделали отечественную юриспруденцию неспособной всерьёз конкурировать с правоведением развитых зарубежных правовых порядков. Размышления советских юристов были лишены свободы, а сами они превратились в орудие оправдания «превосходства» советского народовластия. Критика их деятельности, если и имела место, была тщательно скрываемая и полезного эффекта не приносила.

Таким образом, советская теория о правах человека ознаменовалась внедрением в правовой статус личности и последующим обоснованием обширной единой группы

социально-экономических прав, которые имели приоритет над личными и политическими правами. Достижением такого подхода, несомненно, стал тот факт, что система социально-экономических прав была разветвлённой и включала право на труд, на отдых, на охрану здоровья, на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца, право на жилище, образование и на пользование достижениями культуры. Закрепление прав в сфере здравоохранения способствовало развитию медицинского обслуживания населения и значительному повышению средней продолжительности жизни. Советская система мер социальной поддержки действительно была примером для развитых западных государств, которые имевшимися у них средствами не могли достичь уровня социальной обеспеченности, существовавшего в СССР. Вместе с тем, обратной стороной такой концепции прав человека стала утрата гражданами личной инициативы в улучшении своей жизни, которая не только не поощрялась, но и была практически полностью искоренена за счёт отмены частной собственности и укрепления идеи патернализма.

1. Международный пакт от 16.12.1996 «Об экономических, социальных и культурных правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С.14. (документ утратил силу).
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283 (документ утратил силу).
4. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582 (документ утратил силу).
5. Абрамова А.А. Пенсии семьям, потерявшим кормильца. – М.: Госюриздат, 1957. – 102 с.
6. Баглай М.В. Капитализм и «социальная демократия». Теоретические вопросы развития социальной деятельности буржуазного государства. – М.: Мысль, 1970. – 253 с.
7. Бондарь Н.С. Конституционная природа социально-экономических прав, свобод и обязанностей советских граждан. Дис. канд. юрид. наук. – Л., 1979. – 194 с.
8. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Отв. ред. Патюлин В.А. – М.: Наука, 1979. – 229 с.
9. Гессен С.И. Избранные сочинения. – М.: РОССПЭН, 1998. – 816 с.
10. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. – М.: РГ-Пресс, 2012. – 1008 с.
11. Ильин И.А. Книга раздумий. Я вглядываюсь в жизнь / Ильин Иван Александрович. – 2-е изд. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2015. – 287 с.
12. Ильин И.А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 1216 с.
13. Кистяковский Б.А. Избранное: в 2 ч. / Б.А. Кистяковский. – Ч. 1. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 2010. – 655 с.
14. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1 / С.А. Авакян. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 863 с.
15. Михайловская И.Б. Права человека и социально-политические процессы в посткоммунистической России / И. Б. Михайловская, Е. Ф. Кузьминский, Ю. Н. Мазаев. М.: Проектная группа по правам человека, 1997. – 78 с.
16. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М.: Издательство «Пресса», 1991. – 640 с.
17. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Социально-философские этюды П.И. Новгородцева и И.А. Покровского. – СПб., 1911. – 472 с.
18. О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. – М.: Политиздат, 1977.
19. Права человека: учеб. пособие / С.А. Балашенко [и др.]; научн. ред.: С.А. Балашенко, Е.А. Дейкало. – Минск: Юнипак, 2015. – 200 с.
20. Советское государственное право: Учебник для юридических вузов. – М.: Высшая школа, 1978. – 439 с.
21. Советское государственное право и советское строительство / Под ред. Н.П. Фарберова. – М.: Юрид. лит., 1980. – 440 с.

22. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.
23. Фарбер И.Е. Права человека, гражданина и лица в социалистическом обществе // Правоведение. 1967. № 1. С. 39-46.
24. Черненко К.У. КПСС и права человека. – М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1983. – 319 с.
25. Mark B. Smith. Social Rights in the Soviet Dictatorship: the Constitutional Right to Welfare from Stalin to Brezhnev / Humanity Journal // URL: <http://humanityjournal.org/issue3-3/social-rights-in-the-soviet-dictatorship-the-constitutional-right-to-welfare-from-stalin-to-brezhnev/>.
26. Daniel Thomas, The Helsinki Effect: International Norms, Human Rights, and the Demise of Communism. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2001.
27. Michael Cotey Morgan, «The Seventies and the Rebirth of Human Rights», in The Shock of the Global: The 1970s in Perspective, ed. Niall Ferguson et al. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2010), 240.

Токарева К.Г., Нагимова А.П.

Понятие, признаки и условия договора аренды земельных участков

*Набережночелнинский филиал ЧОУ ВО «Казанский инновационный
университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)»
(Россия, Набережные Челны)*

doi: 10.18411/lj-31-08-2017-06

idsp: 000001:lj-31-08-2017-06

По договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование. Плоды, продукция и доходы, полученные арендатором в результате использования арендованного имущества в соответствии с договором, являются его собственностью (ст. 606 ГК РФ).

Арендные отношения по поводу земельного участка между арендодателем и арендатором регулируются договором аренды, заключаемым по правилам ГК РФ с учетом особенностей, предусмотренных ЗК РФ.

В договоре аренды должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить имущество, подлежащее передаче арендатору в качестве объекта аренды. При отсутствии этих данных в договоре условие об объекте, подлежащем передаче в аренду, считается не согласованным сторонами, а соответствующий договор не является заключенным. В связи с этим следует обратить внимание на то, что только в результате государственного кадастрового учета каждый земельный участок получает такие характеристики, которые позволяют однозначно выделить его из других земельных участков и осуществить его качественную и экономическую оценки. Государственный кадастровый учет земельных участков сопровождается присвоением каждому земельному участку кадастрового номера. Поэтому любой земельный участок может стать объектом аренды лишь после того, как в отношении него осуществлен государственный кадастровый учет.

Статья 22 ЗК РФ содержит нормы, определяющие земельно-правовые особенности аренды земельных участков, которые следует рассматривать в качестве специальных по отношению к общим нормам ГК РФ об аренде имущества. Например, согласно п. 1 указанной статьи, иностранные граждане, лица без гражданства могут иметь расположенные в пределах территории Российской Федерации земельные участки на праве аренды, за исключением случаев, предусмотренных ЗК РФ.

Кроме того, по общему правилу п. 11 ст. 22 ЗК РФ не могут предоставляться в аренду российским и иностранным гражданам, лицам без гражданства земельные участки, которые изъяты из гражданского оборота. Перечень этих участков установлен в п. 4 ст. 27 ЗК РФ. Следует обратить внимание на то, что буквальное толкование положений п. 1 ст. 22 ЗК РФ не позволяет применить установленные в нем правила в отношении иностранных юридических лиц.